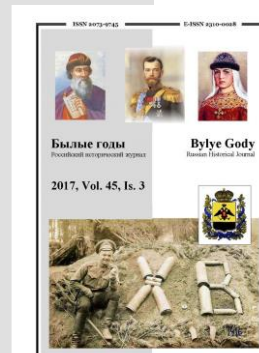

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.765
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 323.17

Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland

Pavel A. Merkulov ^{a, *}, Evgeniy A. Turin ^a, Elena N. Savinova ^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article examines the main cultural and historical determinants of the formation of Scots identity in the framework of scientific understanding of the issue of Scotland's national self-determination. The authors analyze the historical paradox that, in the nineteenth century, in the age of the formation of nation-states, when in Europe the struggle for national self-determination in various countries intensified, Scotland neglected its own national project, not only not having formed a national state, but, on the contrary, strengthened its socio-political and cultural positions within the British Empire. The article proves the idea that the Anglo-Scottish union of 1707 was of European importance, since it laid the foundation for the perfect standard of European ethno-religious nationalism, which not only formed a new type of state-national identity for Europe, implemented later in most European countries, where Was a modernization process, but also proposed a peaceful solution to the national problem. In the context of the stated topic, the authors examine in detail such strictly Scottish cultural and historical phenomena as tartanism, Kailyard and the myth of equality. They originate in the XVIII–XIX centuries and can be considered the main cultural and historical determinants of the formation of the Scottish identity from the moment when Scotland became part of the Union. Considered cultural and historical determinants of the formation of Scottish identity allowed the authors to conclude that tartanism, Kailyard and the myth of equality allowed the Scots to realize their national specifics, which in this case was not in conflict with British identity. On the basis of this view, it can be argued that identity is not an objective political tool in the struggle for national self-determination in Scotland.

Keywords: Scotland, national self-determination, identity, cultural and historical determinants, tartanism, Kailyard, egalitarianism, regionalization, United Kingdom.

1. Введение

Изменения, происходящие в процессе развития исторического знания, сопровождаются поиском новых методологических парадигм и научных подходов к изучению прошлого, что, одновременно, требует от профессионального сообщества выработки определенной интегральной системы ценностей, позволяющей ориентироваться в системе одновременного сосуществования противоположных воззрений и концепций. В этой связи, рост интереса исследователей к различным аспектам изучения региональной истории тех или иных народов актуализирует вопрос о соотношении общего и частного в процессе исторических детерминант формирования социокультурных и цивилизационных основ идентичности тех или иных народов (Шапаренко, 2010: 79-86).

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), turin.of.foveran@yandex.ru (E.A. Turin), savinovae.n@yandex.ru (E.N. Savinova)

В ряду народов, исторически демонстрировавших свою национально-государственную идентичность, шотландцам принадлежит особое место (Тюрин, Савинова, 2015: 195-201), поскольку уже долгое время Шотландия является одним из форпостов европейского национализма. Тем удивительнее выглядит тот факт, что в XIX веке, в эпоху формирования государств-наций, когда в Европе наблюдалась активизация борьбы за национальное самоопределение в самых разных странах, Шотландия пренебрегла собственным национальным проектом, не только не сформировав национального государства, но, наоборот, укрепляла и воспевала свое место в рамках Британской империи. Данный исторический парадокс, безусловно, требует многогранного научного осмысления еще и потому, что во многом именно англо-шотландская парламентская уния 1707 г. заложила основу первой полиэтничной и полирелигиозной европейской нации. Союз 1707 г. имел общеевропейскую значимость, поскольку им была заложена основа совершенного стандарта европейского этно-религиозного национализма, который не только сформировал новый для Европы тип государственно-национальной идентичности, реализованный позже в большинстве европейских стран, где шел модернизационный процесс, но и предложил мирный вариант решения национальной проблемы. И ни Просвещение XVIII века, ни Романтизм XIX столетия, ни, наконец, современная демократия не смогли воспрепятствовать этой тенденции (Тюрин, Савинова, 2014: 197-205).

2. Материалы и методы

В процессе работы над статьей авторы исходили из принципа теоретического и методологического плюрализма, в основе которого лежит специфика развития гуманитарного знания, которое, начиная со второй половины XX в., постулировало необходимость обращения к изучению человека во всем комплексе его восприятий. В этой связи основополагающее значение имели принципы антропологически-ориентированной истории, в рамках которой наибольшее внимание уделяется не событию, а его отображению в сознании и репрезентации преломленных сознанием образов. Центральным понятием при таком подходе является категория идентичности, позволяющая использовать новые исследовательские подходы к изучению многих исторических явлений. Большое значение имеет также междисциплинарный принцип исследования, позволяющий рассматривать идентичность, как на «перекрестках социально-гуманитарных наук, так и в общем пространстве научного знания». При изучении феномена идентичности решение сложных вопросов в контексте исследования ее исторических детерминант, становится возможным при использовании не только методов собственно исторического анализа, но и иных методов, парадигм и теорий в рамках гуманитарного знания (например, теория модернизации, как разновидность теории развития). Наконец, чрезвычайно важным в контексте данного исследования является понимание нации как дискурсивного феномена, что позволяет раскрывать понятие национализма в контексте символической системы, посредством которой выражает себя национализм. В соответствии с динамикой указанной системы (с переходом от традиционного общества к индустриальному) меняется и характер национализма.

Таким образом, исследование в рамках данной статьи осуществлялось на основе принципов историзма, конкретности, системности. Авторами использовались как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описательный, количественный), так и специально-научные (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический) и конкретно-проблемные методы исследования.

Источники по рассматриваемой проблематике целесообразно разделить на следующие несколько групп. Во-первых, это законодательные памятники, самым важным из которых является договор унии 1707 г. Важным источником для изучения периода 1703–1707 гг. являются Акты шотландского парламента. Особую группу законодательных памятников представляет британское законодательство периода якобитских войн. Вторая группа источников объединяет материалы, которые, в отличие от законодательных, фиксируют, не правовой идеал, а реалии, характерные для того или иного общества. Такие источники интересны, в первую очередь, для изучения общественной реакции на унию 1707 г. и для исследования процесса модернизации, в то время как вопросы идентичности в данных источниках затрагиваются лишь опосредованно. Особой группой материалов являются документы по истории последнего якобитского восстания 1745–1746 гг. и политики «умиротворения» Хайленда, последовавшей за его успешным подавлением. Следующая, третья группа памятников – это т.н. клановые истории. Интересной особенностью данного вида источника является то, что он совмещает в себе «нарративность» и «документальность». Четвертую группу источников представляют исторические и художественные произведения, авторами которых были современники событий, связанных с динамикой идентичности шотландцев. Пятая группа – это мемуары, дневники и переписка, как политических деятелей, так и представителей творческой элиты, формировавших тот интеллектуальный дискурс, который распространялся среди широких масс населения. Помимо перечисленных групп источников, укажем также памфлетную литературу и т.н. обзоры; петиции и материалы периодической печати, значимость которых особенно возрастает в XIX в. К последним относятся и крупные шотландские газеты и журналы, такие, как, например, Blackwood's Edinburgh Magazine, и местная пресса (Inverness Courier). Указанные группы источников отражают вопросы, связанные с эволюцией шотландской идентичности.

3. Обсуждения

Проблема формирования европейских наций не единожды являлась предметом научного осмысления. Освещался этот вопрос и применительно к шотландской истории. Однако изучение исторических детерминант формирования шотландской идентичности в контексте вопроса о национальном самоопределении Шотландии – тема, гораздо менее изученная как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке.

В отечественной историографии вопросы унии, регионализации и динамики развития шотландской идентичности в общем контексте, не часто заявляются как единая научная проблема. Отдельные аспекты шотландской истории, в том числе и истории англо-шотландских отношений, освещены в исследованиях В.В. Штокмар (Штокмар, 1976: 196-199), А.А. Графшонкиной (Графшонкина, 2013: 339-348), Г.И. Зверевой (Зверева, 1987: 173-193), М.Ю. Брандта (Брандт, 1988), И.Н. Гроздовой (Гроздова, 1981), А.А. Петросьян (Петросьян, 1984: 31-32), Д.Г. Федосова (Федосов, 1992: 198-205), Г.Ю. Магакова (Магаков, 1987), В.Ю. Апрыщенко (Апрыщенко, 2016: 12). Значимость исследований отечественных историков определяется тем фактом, что, как правило, констатируется и анализируется противоречивость процесса англо-шотландских отношений на протяжении средних веков и раннего нового времени. При этом зачастую объектом анализа становится сложная этнополитическая мозаика Шотландии, особенности ее экономического уклада. В то же время, как правило, эти исследования посвящены более ранним периодам шотландской истории и не затрагивают вопросы, связанные с модернизацией и шотландской идентичностью. В зарубежных исследованиях шотландская история в контексте проблемы трансформации идентичности шотландцев вызывали и продолжают провоцировать многочисленные дискуссии. Характерной особенностью всех исследований этой проблемы, начиная с XVIII–XIX вв. и по сей день, является четкое разделение на проюнионистских и антиюнионистских исследователей, чьи общественно-политические взгляды детерминируют их научные воззрения.

Проблема трансформации идентичности с конца XVII по XIX столетие, за редким исключением, стала привлекать внимание историков лишь в последние два десятилетия. Особенность историографических работ этой группы заключается в том, что они, как правило, содержат в себе историографический дискурс XVIII–XIX вв., а, с другой стороны, сами являются отражением сложного процесса развития шотландской идентичности последней четверти XX – начала XXI вв. Большая часть современных исследователей этого периода согласны в одном – роли XVIII в. в возникновении исторических детерминант формирования «шотландскости» в контексте вопроса о национальном самоопределении Шотландии. Современные исследования показывают, что, в отличие от других европейских стран, в Шотландии практически не было работ, связанных с изучением собственной шотландской идентичности. На этом фоне работа Маринел Эш «Странная смерть шотландской истории» (Ash, 1980) является примером довольно оригинального исследования шотландской историографии постюнионистского периода. Общий контекст данной работы сводится к тому, что в Шотландии в XIX в. произошла т.н. «романтическая революция в историописании», флагманом которой стал Вальтер Скотт. В результате сформировалась историографическая традиция, основанная на пристальном изучении аутентичных источников. Впрочем, влияние данной традиции исчезло в Шотландии уже в 1870-е гг., что, собственно, и стало поводом говорить о «внезапной смерти шотландской истории».

Тем не менее, анализ историографии XX в., представляет очевидный научный интерес с позиций изучения процесса формирования шотландской идентичности в XX столетии. Здесь следовало бы отметить работы М. Фрая (Fry, 1992), К. Кидда (Kidd, 1993), М. Питтока (Pittock, 2001), Л. Патерсон (Paterson, 1994) и Р. Финли (Finlay, 1994: 124-140). Последний, кстати, считает, что историография XIX в. вовсе не претендовала на обоснование самоопределения Шотландии, т.к. и сам национализм XIX в. не выдвигал требований создания суверенного государства-нации. Поэтому-то перед шотландцами не возникало задачи осмысления собственного прошлого сквозь призму националистических целей. Можно также отметить, что в своих работах Финли и Паттерсон выдвигают идею «концентрической природы шотландского национализма». Г. Мортон (Morton, 1930) разделяет точку зрения Р. Финли и Л. Паттерсон относительно шотландского национализма XIX в. Используя теоретические взгляды на сущность нации Э. Смита, он считает, что политический национализм был «ненастоящим» движением, особенно, в сравнении с культурным национализмом.

По сути, анализ историографии рассматриваемой проблемы позволяет отметить, что, несмотря на целый ряд работ, посвященных отдельным темам и вопросам шотландской истории XVIII–XIX вв., не было ни одного существенного исследования, в котором сочетались бы одновременно три аспекта: уния, регионализация, идентичность. При этом, многочисленные исследования, посвященные шотландской идентичности в XVIII и XIX вв., оставляют вне поля своего внимания вопрос о влиянии регионализации на трансформацию идеи «шотландскости». Даже в монографических сочинениях последних лет вопросы соотношения унии, регионализации и идентичности рассматриваются изолированно. И хотя связь между ними никто не отрицает, тем не менее, не было предпринято попытки анализа влияния регионализации на шотландскую идентичность и отражения этого процесса в понимании нации.

4. Результаты

Как ни странно, несмотря на создание в рамках унии всебританских институтов и, несмотря на возникновение у шотландцев британской идентичности, в течение XIX века шотландская идентичность почти полностью перестроилась и стала поистине национальной. Собственно, этому парадоксальному процессу и посвящена данная статья.

В настоящее время большинство из нас предположило бы, что шотландская идентичность практически синонимична гэльской идентичности хайлендеров. Тартан (рус. шотландка), килт, система кланов и игры горцев – это те культурные особенности, которые в большинстве случаев могли бы быть приписаны всей шотландской культуре, а не только культуре горцев. Тем не менее, тот факт, что высокогорное (точнее, гэльское) культурное самовыражение может быть рассмотрено в целом как шотландское, – относительно новое явление. До конца XVIII века Шотландия была в основном разделённой страной. Это было разделение, которое в большей или меньшей степени проходило по географической линии, отделяющей Среднешотландскую низменность (Лоуленд) от Северо-Шотландского нагорья (Хайленд). Низменность была областью, на которой проживала основная часть населения Шотландии, это был культурно и экономически развитый район с элементами урбанизации, с достаточно образованными трудовыми ресурсами в лице ремесленников, грамотной и аристократической элитой и группой довольно успешных торговцев. И, прежде всего, Лоуленд подчинялся королевской власти и законодательным установлениям Парламента Шотландии. Это область, которую в общем виде можно охарактеризовать как процветающую, чего нельзя сказать о Северо-Шотландском нагорье. Хайленд управлялся посредством клановых связей; здесь вождь клана всегда стоял выше всех остальных членов. Сами кланы постоянно враждовали друг с другом, заботясь о расширении своей земли и своего влияния. Почва, которая поддерживалась в хорошем состоянии небольшими, плохо развитыми фермами зависела от количества овса, а позднее и от урожая картофеля, а также от развития такого сельскохозяйственного производства, как разведение рогатого скота. Горцы в основном были бедными и многие из них, если не все, в прошлом являлись варварами, подчинялись родоплеменным отношениям. Земля, на которой они жили, была известна как варварская глушь. Обе области (Хайленд и Лоуленд) имели совсем разные культуры. В Лоуленде это была европейская культура, сформированная в результате ирландско-кельтских, норвежских, англосаксонских и, главное, нормандских влияний, правовая система опиралась на Римское право, а люди здесь разговаривали на диалекте английского языка, считая его шотландским. Жители Лоуленда были настроены против горцев, которые оставались верными своей кельтской культуре, основанной на традициях пиктов и ирландских гэлов. Идентичность, навязываемая обществом, принуждала носить кельтский горский костюм и использовать гэльский язык в качестве основного. Между Хайлендом и Лоулендом существовали также различия и в религии. К XVII в. в Лоуленде большинство людей и элита в большинстве своем придерживались пресвитерианского варианта протестантской веры. Однако, в Хайленде епископальная церковь начала закладывать свой фундамент, опираясь на старые римско-католические традиции, поэтому в течение XVII века горные кланы стали приверженцами католицизма, что ещё больше отделило Высокогорье от Среднешотландской низменности (Devine, 2006; Trevor-Roper, 2009).

Большое влияние на разделение оказал Союз. В 1745 году якобиты подняли восстание в Хайленде, которое имело успехи, но уже в 1746 году в сражении при Каллодене было разбито британской армией. Важно отметить, что восставшие (как и в восстании 1715 г.) в основном были горцами. Этот факт интересен в первую очередь потому, что в ответ на восстание якобитов 1745 года Вестминстерский парламент принял в 1746 году «Акт о Наследственных правах», который упразднил клановую систему, и «Акт о Запрете», запретивший носить традиционный костюм горной Шотландии. Правительство направило войска в Хайленд, чтобы обеспечить соблюдение этих законов, а также «Закона о Разоружении» (1715 г.), не имевший результатов до этого времени. Период после 1746 года вплоть до 1860-х получил название «зачистка Нагорья». Такие авторы как Дивайн и Уомак сходятся во мнениях о том, что в этот период культура старого Хайленда была полностью уничтожена (Devine, 1987: 1-8; Womack, 1989: 4-26).

Глядя на такое разделение, можно точно сказать, что в начале XVIII века не существовало единого шотландского самосознания. Более того, если взглянуть на сильные численные, экономические и культурные стороны Лоуленда, то можно было бы предположить, что в результате его культурного объединения с полностью разрушенной культурой Шотландского высокогорья именно культура Низин стала бы фундаментом для развития настоящей национальной культуры. Однако произошло всё иначе. С конца XVIII века быстро развивалось движение, которое соглашалось с утверждением о том, что культура Шотландского высокогорья является национальной культурой, это позволило рассматривать историю Шотландии с учётом её связей с Хайлендом. Это движение возникло в момент, когда казалось, что культура горцев полностью разрушена, и его цель заключалась в раскрытии этой самой национальной культуры. Движение называют «тартанизм», и далее нам хотелось бы рассмотреть его влияние на национальное самоопределение и на формирование шотландской идентичности.

Конец XVIII в. и весь XIX в. были периодом национализма. По всей Европе возникли националистические движения, выступавшие за национальную культуру и против

многонациональных империй, таких как Российская, Габсбургская и Османская. Вразрез с идентичностями этих многонациональных империй шла британская идентичность, являвшаяся всеобщей. Она была открыта для шотландцев и приносила пользу. Но всё же, Шотландии не были полностью приданы английские и британские черты. Поэтому «тартанизм» следует рассматривать как шотландский вариант романтического национализма XIX века.

О возникновении «тартанизма» Тревор-Ропер в своём произведении «Изобретение Шотландии» провёл анализ текстов Бойса и Бьюкенена, в результате которого сделал их выводы не соответствующими действительности. Впоследствии Тревор-Ропер показывает, как всё это склонило Джеймса Макферсона к написанию книги «Поэмы Оссиана», опубликованной где-то в 1760–1765 годах (Trevor-Roper, 2009: 33-54; 55-74). Это была самая продаваемая и читаемая работа, замеченная многими авторами, здесь было дано первое настоящее определение движения «тартанизм» (Devine, 2006: 242-243; Withers, 1995: 371-397; Porter, 2001: 396-435). Книга Макферсона была основана на представлениях Бойса и Бьюкенена, которые считали, что шотландцы были непосредственно связаны с культурной античной традицией древних греков, которая продолжала существовать в Хайленде у гэльских кельтов. Эффект работы Макферсона был двояким. С одной стороны, в самом центре истории находился образ Шотландского нагорья, а с другой стороны, ошибочное утверждение о происхождении горцев заставило их вспомнить собственную древнюю и почитаемую культуру. По словам Дивайна, «Поэмы Оссиана» оказали значительное влияние на изменение общего отношения к Хайленду. Книга изменила восприятие образа Шотландского нагорья от «неплодородной дикой местности к месту неотразимой природной красоты» (Devine, 2006: 243). Но более удивительным было то, что книга Макферсона открыла глаза не только шотландцам, но всем британцам. После публикации книги Шотландское нагорье стало туристической достопримечательностью для элиты и состоятельных людей из разных уголков Британской империи. Работа Макферсона также может быть рассмотрена как история, положившая начало изменению представления о самих горцах; их больше не считали варварами, а наоборот называли хранителями потерянного шотландского наследия (Leneman, 1987).

Сэр Вальтер Скотт был поражён «Поэмами Оссиана», в результате чего сам стал известен миру как живое воплощение «тартанизма». Об этом все его романы, о восстановлении прав Хайленда, о его вновь воссозданных традициях, которые и по сей день существуют в Шотландии. Практически во всех его произведениях в основе лежат проблемы, характерные для Шотландии. Именно Скотт в «Узверли» воссоздал изображение якобитского восстания. Книга, впервые опубликованная в 1814 году, имела огромный успех, благодаря которому изменила отношение к восстанию якобитов (Trumpener, 1993: 685-731). Во всех своих работах Вальтер Скотт пытался объединить историю Шотландии с идентичностью Шотландского нагорья. Горцев он видел благородными воинами, борющимися за благое дело и находящимися в тесной связи с природой. Этот образ проник в головы и сердца многих читателей.

Однако самым большим достижением Вальтера Скотта является встреча с королём Георгом IV в 1822 году. Визит Короля был от начала и до конца организован Скоттом, который хотел показать свою Шотландию с её идентичностью и культурой. В реальности всё произошло совершенно иначе. Как было сказано ранее, в Хайленде идентичности просто не было. Чтобы скрыть это, Вальтер Скотт собрал вождей кланов и раздал им определённые указания. Все должны были быть одеты в традиционные костюмы горцев, но даже этого было недостаточно, чтобы показать ту самую связь шотландской истории и идентичности горцев. Тогда, расходуя баснословные денежные суммы, сэр Вальтер Скотт очистил все города, установил в них различные флаги и отличительные знаки горских кланов, а также уговорил дворян и вождей кланов устроить грандиозный парад. В качестве «последнего штриха» Скотт принял решение, что Короля должны носить на руках с момента его прибытия и до конца визита. Никогда раньше вся Шотландия не облачалась в традиционный костюм горцев. Однако для такого визита многие знатные семьи надели надели килты с традиционными тартанами и носили их с гордостью (Prebble, 1988: 3-31).

Вальтер Скотт был не единственным человеком, который смог показать образ шотландского горца, в связи с чем следует упомянуть Королевский Хайлендский полк (Чёрный дозор), состоявший из шотландцев, но при этом отстаивавший интересы Британии. Все члены полка были уроженцами Северо-Шотландского нагорья, что непосредственно отражалось в их военной форме. Уомак и Дивайн приходят к следующему выводу: Королевский Хайлендский полк внёс в головы людей представления о народе-воине и возвеличил горцев (Womack, 1989: 145). Помимо всего, интересен тот факт, что, являясь символом британского патриотизма, полк Чёрный дозор одновременно способствовал развитию «тартанизма». Казалось бы, это разрушает все стереотипы о «тартанизме» и британской национальной идентичности, в частности об их различиях.

Подобное заключение может быть сделано и при изучении работ Вальтера Скотта, важно понимать, что он не был политическим националистом. Напротив, он являлся сторонником Союза. Как выразился Локхарт, написавший биографию сэра Скотта: «Он получал удовольствие от своих фантазий о призраках и ведьмах... (но)... ни один человек, пытаюсь доказать существование сверхъестественного, не был настолько уверенным в своих словах; поэтому я считаю, он бы сделал гораздо больше, чем другие, для подавления антианглийских восстаний, характерных в одно время

для Шотландии» (Lockhart, 1906: 653). Однако Вальтер Скотт боялся, что в результате Объединения шотландцы потеряют свою народную самобытность и станут похожими на англичан (англизироваанными). Это было, по его мнению, неправильно как для Шотландии, так и для Союза.

Опасения сэра Скотта оказались не беспочвенными. Нэрн, Фрай и другие авторы подтвердили развитие тенденции стирания культурных различий в рядах элит Шотландии и Англии с конца XVIII в. по XIX в. (Nairn, 2001: 653; Fry, 1992: 72-89). Такое взаимодействие могло повлиять на шотландскую историю. Смаут и Фрай говорили, что с конца XVIII в. и до начала XIX в. история Шотландии не воспринималась обществом. В учебных заведениях преподавали ангализированную историю. В статье «Перспективы шотландской идентичности» Смаут говорит о работах Вальтера Скотта, которые помогли спасти историю Шотландии от английского поглощения (Smout, 1994: 8). Также Смаут считает вариант шотландской истории Скотта вторичным по отношению к английской истории. По словам Смаута, сэр Скотт видел фантастическое прошлое Шотландии, которое позволило отделить её от Англии, но всё это не могло подвергнуть сомнению существование британской идентичности. Подобным образом думает и Уомак, который пишет: «Лоуленд становится похожим на Англию, в результате этого увеличивается его культурная пропасть с Нагорьем» (Womack, 1989: 145). Как говорилось ранее, эта пропасть оказалась безопасной для британской идентичности. Дивайн делает вывод: «... «Тартанизм» был своего рода ответом на вопрос: как сохранить шотландскую идентичность без ущерба для Союза?» (Devine, 2006: 244).

Несмотря на то, что влияние сэра Скотта на воссоздание шотландской идентичности было огромным на протяжении первых десятилетий девятнадцатого века, это отнюдь не означает, что он был единственным литературным гением, повлиявшим на шотландскую идентичность и описавшим во всей своей красе север страны. В конце девятнадцатого века, Кэльярдское литературное течение использовало романтическое воззрение деревенской жизни Севера. Кэльярд – литературная школа романов, коротких рассказов и поэм, которые возникли в период с 1880 г. по 1914 г. Несмотря на то, что она критиковалась за интеллектуальную скудность и консервативные ценности такими людьми, как например шотландский поэт Хью МакДиармид, кэльярдские книги оказались весьма успешными и влиятельными, особенно среди растущего среднего класса. В своем анализе этих книг Кук обнаружил, что они имеют большое сходство с работами Скотта (Cook, 1999: 1053-1073).

Харви даже заметил, что «тартанизм достиг своего расцвета в прозорливом маркетинге кэльярдских авторов в 1980-х гг.» (Harvie, 1988: 27). Как и ранее упомянутый роман «Уэверли», течение Кэльярд взывало к высоким чувствам северной Шотландии, однако, не касалось исторических событий. Кэльярдские писатели использовали чувства, чтобы показать настоящую шотландскую жизнь, сельскую, деревенскую и маломасштабную, занимающую север страны. Кэльярдская проза на самом деле была популярной, но она также получила репутацию представителя реальной Шотландии, аутентичной литературы, всматривающейся в сердце Шотландской нации, культуры и жизни (Cook, 1999: 1054). Как только новые средние классы в урбанизированной и промышленной южной Шотландии нашли новые ориентиры, течение Кэльярд передавало настроение общества. Кэльярдская конструкция нации стирала историю Шотландии в рамках реконструкции аффективной экономики, которая была одновременно несвоевременной и обратно направленной, при этом, будучи достаточно цивилизованной для поддержания среднечассовых отношений (Cook, 1999: 1067). Тем не менее, значение течения Кэльярд не ограничивается локальными рамками. Кэльярдские книги, так же как и книги сэра Скотта, широко читали за пределами Шотландии, особенно в Англии и Соединенных Штатах. Имидж Кэльярд и его представление шотландской идентичности пришли не только из самой Шотландии, но и были усилены извне. В конечном итоге трудно ручаться за то, как сильно Кэльярд повлияло на шотландскую идентичность. Нэрн в своей манере часто сокрушал Кэльярд за представление и изображение ограниченности шотландского общества (Nairn, 2001: 160-162). Как бы то ни было, Кэльярд и не должно было быть повсеместным (Devine, 2006: 296-298). Дивайн признает, что влияние течения Кэльярд было значительным среди более высоких слоев среднего класса Шотландии. Но, совершенно бесспорно, что в то время гораздо больше было опубликовано и написано для более низких классов, которые были менее консервативны. Впрочем, как это было в случае с тартанизмом, Кэльярд сформировало и усилило мнение о шотландской идентичности, которая одновременно обособлялась от Англии, не представляя никакой угрозы для всеобъемлющей британской идентичности. Со своим ненасильственным акцентом и консервативными ценностями Кэльярд показало, как популярная литература в Шотландии может сыграть на шотландской личности или даже усилить эту шотландскость, действуя в рамках всей Великобритании. Нэрн объясняет Кэльярдизм как форму культурного субнационализма, которая была воспитана на знании, что основная национальная культура была образована в Англии (Nairn, 2001: 160). И хотя пессимизм Нэрна о подавлении страны культурой Англии может быть поставлен под сомнение, его рассуждения, что Кэльярд было дорогой к установлению национальной шотландской культуры или национальной идентичности, в большинстве своем кажутся корректными.

Другой значимый аспект в оценке шотландской национальной идентичности это эгалитаризм в Шотландии, также известный как шотландский миф. Миф широко исследован как МакКроуном в работе «Понимание Шотландии», так и Хирном в труде «Утверждение Шотландии» (McCrone, 2001:

90-103; Hearn, 2000: 139-154). По МакКроуну шотландский миф для шотландцев – «это история, повествование значительной силы, и это повествование, которое помогает шотландцам определить, кто они, другими словами, это важный аспект в их национальной идентичности» (McCrone, 2001: 90-103). Принцип шотландского мифа в том, что шотландское общество по своему существу эгалитарное. То есть в Шотландии каждый человек в равной степени оценивается по его возможностям, а не по его происхождению. Ядром этой идеи является то, что равенство – это естественная установка для человека, а неравенство было создано обществом как социальная девиация, в основе которой лежит противоречивая альтруистическо-эгоистическая природа человека. Происхождение этого мифа трудно проследить. Линклейтер и Дэннисон в их введении к «Анатомии Шотландии» видят в этом сильное пересечение с пресвитерианским пониманием этого вопроса и с особенной интерпретацией его в рамках протестантской веры как горизонтальной организационной структуры, которая закрепила равенство в сознании шотландцев (Linklater, 1992: 2-5). МакКроун во многом соглашается с этим тезисом, найдя, что пресвитерианские принципы лежали в истоках шотландского мифа и подтвердили его. МакКроун, однако, также утверждает, что с XIX века данный миф нашел свое утверждение в большей степени в шотландской образовательной системе. Здесь идея состояла в том, что в Шотландии каждый человек мог получать хорошее образование столь долго, сколько бы ему позволили это делать его интеллектуальные способности. Исследования Макферсона и Андерсона показали, что на самом деле, в этом утверждении есть доля правды. С XIX века шотландские университеты значительно превосходили английские или континентальные вузы по численности студентов из низших социальных слоев (McPherson, 1992: 216-243; Anderson, 1985: 82-104). МакКроун поддерживает эти выводы, подчеркивая, что миф и институт образования оказали влияние друг на друга. Расширение образовательной системы, как он утверждает, существовало не только в XIX веке, но и поддерживалось в XX веке. Более того, МакКроун показывает, что равенство было важным лейтмотивом в кэлярдских историях. Несмотря на это, он оценивает шотландское общество как неэгалитарное по своей природе. В шотландской истории можно найти достаточно примеров, где общество в основном расколото, и возможности были открыты только для «лучшей его части», т.е. для тех, кто был выходцем из привилегированных слоев. Однако было достаточно примеров, литературных (благодаря Кэлярду) и институциональных (в образовательной системе), по укреплению идеи шотландского равенства. МакКроун утверждает, что миф, для того чтобы остаться сильным, не нуждается в конкретных доказательствах, чтобы поддерживать веру в него.

Шотландский эгалитаризм представляет собой особый интерес в качестве тезиса, как заключают МакКроун и Хирн, что имело особенно сильное влияние на текущий политический вектор (McCrone, 2001: 90-103; Hearn, 2000: 139-154). МакКроун утверждает, что эгалитаризм открыт для радикальной интерпретации, подразумевающей не только равенство каждого в Шотландии, но и обязанность общества создавать уверенность у каждого в наличии равных возможностей. Хирн придерживается этой линии утверждением о том, что эгалитарный принцип существовал на протяжении всего начала XX века и был культурно объединен с «Красным Клайдсайдом». Это социалистическое движение возникло в промышленном сердце Глазго и, особенно, в кораблестроительной индустрии на реке Клайд в течение периода 1914–1919 гг. Некоторые авторы, такие как Джон Фостер – предшественник Хирна – утверждали, что это движение, а также его тяжелое подавление британским государством, оказало «рыночный эффект» на шотландское общество, придавая тем самым социализму специфический шотландский характер. Тезис Хирна о том, что социализм «Красного Клайдсайда» и принцип эгалитаризма пришли вместе, что превратило их, согласно МакКроуновской радикальной интерпретации, в часть шотландской идентичности. Базируясь на этом тезисе, Хирн объясняет, что Шотландия со второй половины XIX века становилась нацией, которая имеет строгие предпочтения на левом фланге спектра политических ориентиров. И хотя тезис Хирна интересен и имеет высокую долю правдоподобности, необходимо отметить, что он имеет некоторые недостатки. Основная проблема лежит в непосредственной связи мифа равенства с социалистически ориентированной левосторонней политикой. Несмотря на то, что в анализе МакКроуна можно найти шотландский эгалитаризм в открытом понимании, что можно увидеть в левостороннем политическом векторе, он также придает значение его консервативному пониманию. Он пишет: «Если люди исконно равны, общественная структура неравенства не имеет значения, ничто не нуждается в изменениях» (McCrone, 2001: 91). По МакКроуну эта интерпретация использовалась впоследствии (на протяжении 1960-х гг.) для защиты консервативных идей. Однако, в конечном итоге, МакКроун приходит к тому, что хотя шотландский эгалитаризм и открыт для различных пониманий, он помог «укрепить социальный и культурный порядок, который занимает главное место в коллективе, кооперативе и эгалитарных обязательствах» (McCrone, 2001: 102). Впрочем, хоть выводы МакКроуна и в большей мере наполнены нюансами, чем выводы Хирна, он не усматривает прямой связи левых политических ориентиров и традиций «Красного Клайдсайда» с шотландским мифом. Однако также ясно, что МакКроун видит в эгалитарном мифе объяснение склонности Шотландии к построению общества на коллективистской справедливой основе (в том числе, в политике). Так или иначе, шотландский миф социального равенства – это существенная часть шотландской идентичности.

5. Заключение

Хоть выше мы и постарались показать проявления того, что может и должно быть определено как культурно-исторические детерминанты шотландской национальной идентичности, необходимо заметить, что дать четкое определение этому явлению не представляется возможным. Как показали Беверидж и Тернбулл, такие движения как тартанизм и Кэльярд не являлись главенствующими, они не показывают ни шотландскую культуру в целом, ни шотландскую идентичность в полной мере (Beveridge, Turnbull, 1989: 14-16). И при этом нельзя экстраполировать миф равенства для объяснения всей социокультурной сущности Шотландии. Таким образом, три движения – тартанизм, Кэльярд и миф равенства – берут свое начало в XVIII–XIX веках и могут считаться основными культурно-историческими детерминантами формирования шотландской идентичности с момента, когда Шотландия стала частью Союза. Рассмотренные культурно-исторические детерминанты формирования шотландской идентичности позволяют увидеть, что шотландскость базируется в основном на культурных понятиях, принципе исторической нации и местных институтах. При этом, необходимо понимать, что тартанизм, Кэльярд и миф равенства, возвышая Шотландию позволили шотландцам осознать свою национальную специфику, которая отделяла их от англичан, валлийцев от ирландцев, но при всем этом не оказалась в конфликте с британской идентичностью. Иными словами, две идентичности (шотландская и британская) не противоположны друг другу сами по себе, скорее они развивались одновременно, и история показала, что они обе могут быть одновременно уместны. На основе этого взгляда можно утверждать, что идентичность не представляется логически политическим средством для тех политических сил, которые борются за национальное самоопределение Шотландии.

Подытоживая, отметим, что шотландский опыт трехсотлетней давности в части того, как была решена проблема межнационального и межкультурного противостояния в условиях модернизации, породившей новые социальные и экономические задачи, может иметь значение и для России. Этот факт проистекает из того, что процесс формирования идентичностей имеет вневременное и внеисторическое значение, возобновляясь в каждодневной человеческой практике.

Литература

- Апрыщенко, 2016 – Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб., 2016.
- Брандт, 1988 – Брандт М.Ю. Союз Шотландии и Англии в Европейских международных отношениях конца XVI начала XVII века // *Англия в эпоху феодализма*. М., 1988.
- Графшонкина, 2013 – Графшонкина А.А. Шотландия после Унии 1707 г. // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания: сборник научных статей / под ред. К.Е. Сигалова и С.В. Зыковой. М.: Граница, 2013. С. 339-348.
- Гроздова, 1981 – Гроздова И.Н. Шотландцы, тенденция этнического развития // *Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы*. М., 1981.
- Зверева, 1987 – Зверева Г.И. История Шотландии. М., 1987.
- Магаков, 1987 – Магаков Г.Ю. Шотландия и англо-шотландская «уния корон» начала XVII в. // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков*. Л., 1987.
- Петросьян, 1984 – Петросьян А.А. Эдинбургский договор 1560 г. // *Англия в эпоху абсолютизма*. М., 1984. С. 31-32.
- Тюрин, Савинова, 2014 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // *Власть*. 2015. № 4. С. 195-201.
- Тюрин, Савинова, 2014 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. № 2. С. 197-205.
- Федосов, 1992 – Федосов Д.Г. Парламент Шотландии в борьбе за независимость страны (XIII–XIV века) / *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. Ч. 1. Москва, 1992. С. 198-205.
- Шапаренко, 2010 – Шапаренко В.В. Современные теории цивилизационного развития и их возможности в изучении региональной истории // *Былые годы*. 2010. № 3 (17). С. 79-86.
- Штокмар, 1976 – Штокмар В.В. Англо-шотландские отношения накануне соединения двух королевств // *Проблемы отечественной и всеобщей истории*. Л., 1976. Вып. 3. С. 196-199.
- Anderson, 1985 – Anderson R.D. In search for the “lad of parts”: the mythical history of Scottish education // *The History Workshop Journal*, 19. 1985. p. 82-104.
- Ash, 1980 – Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinb., 1980.
- Beveridge, Turnbull, 1989 – Beveridge C., Turnbull R. The Eclipse of Scottish Culture: inferiorism and the intellectuals. Edinb., 1989. p. 14-16.
- Cook, 1999 – Cook R. The Home-Ly Kailyard Nation: Nineteenth-Century Narratives of the Highland and the Myth of Merrie Auld Scotland. ELH, 66. 1999. p. 1053-1073.
- Devine, 1987 – Devine T.M. The Highland Clearances, Refresh 4, spring, 1987. p. 1-8.
- Devine, 2006 – Devine T.M. The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York, 2006.

- Finlay, 1994 – *Finlay R.* Controlling the past: Scottish Historiography and Scottish identity in the 19th and the 20th centuries, *Scottish Affairs*, 9. 1994. pp. 124-140.
- Fry, 1992 – *Fry M.* The Whig interpretation of Scottish History', in *The Manufacture of Scottish History*, Ian Donnachie and Christopher Whatley (eds.). Edinb., 1992.
- Harvie, 1988 – *Harvie C.* Industry, religion and the state of Scotland', in D. Giffords (ed.) // *The History of Scottish Literature*, Volume 3, the Nineteenth Century. Aberdeen, 1988. p. 27.
- Hearn, 2000 – *Hearn J.* Claiming Scotland. Edinb., 2000.
- Kidd, 1993 – *Kidd C.* Subverting Scotland's Past. Camb., 1993.
- Leneman, 1987 – *Leneman L.* The effect of Ossian in Lowland Scotland. In *Aberdeen and the Enlightenment*, J.J. Carter and J.H. Pittock eds. Edinb., 1987.
- Linklater, Denninnton, 1992 – *Linklater M., Denninnton R.* Anatomy of Scotland: How Scotland Works. Edinb., 1992.
- Lockhart, 1906 – *Lockhart J.G.* The Life of Sir Walter Scott. Edinb., 1906.
- McCrone, 2001 – *McCrone D.* Understand Scotland the sociology of a stateless nation – second edition. London and New York, 2001.
- McPherson, 1992 – *McPherson A.* An angle on the geis: persistence and change in Scottish educational tradition', in W.M. Humes, and H.M. Paterson (eds.) // *Scottish culture and Scottish education*. Edinb., 1992. pp. 216-243.
- Morton, 1930 – *Morton H.* The Soul of Scotland. Methuen, London, 1930.
- Nairn, 2001 – *Nairn T.* Farewell Britannia: Break-Up or New Union? // *New Left Review*, 7. pp. 55-74.
- Paterson, 1994 – *Paterson L.* The Autonomy of Modern Scotland. Edinb., 1994.
- Pittock, 2001 – *Pittock M.* Scottish Nationality. Hampshire, 2001.
- Porter, 2001 – *Porter J.* Bring me the head of James Macpherson. The execution of Ossian and the wellspring of folkloristic discourse // *The Journal of American Folklore*, 454. pp. 396-435.
- Prebble, 1988 – *Prebble J.* The King's Jaunt: George IV in Scotland, August 1822. London, 1988.
- Smout, 1994 – *Smout T.C.* Perspective on the Scottish Identity // *Scottish Affairs*, 6. 1994.
- Trevor-Roper, 2009 – *Trevor-Roper H.* The invention of Scotland myth and history. New haven and London, 2009.
- Trumpener, 1993 – *Trumpener K.* National Character, Nationalist Plots: National Tale and Historical Novel in the Age of Waverly, 1806–1830. *EHL*, 60. pp. 685-731.
- Withers, 1995 – *Withers C.* How Scotland came to know itself: geography, national identity and the making of a nation, 1680–1790 // *Journal of Historical Geography*, 4. 1995. pp. 371-397.
- Womack, 1989 – *Womack P.* Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989.

References

- Apryshchenko, 2016 – *Apryshchenko V.Yu.* (2016). Shotlandiya v Novoye vremya: v poiskakh identichnostey [Scotland during Modern times: in search of identichnost]. SPb. [in Russian]
- Brandt, 1988 – *Brandt M.Yu.* (1988). Soyuz Shotlandii i Anglii v Evropeyskikh mezhdunarodnykh otnosheniyakh kontsa XVI – nachala XVII veka [Soyuz of Scotland and England in the European international relations of the end of the XVI beginning of the 17th century]. *Angliya v epokhu feodalizma*. M. [in Russian]
- Grafshonkina, 2013 – *Grafshonkina A.A.* (2013). Shotlandiya posle Unii 1707 g. [Scotland after the Union of 1707]. *Vektory razvitiya obshcheppravovoy teorii kak vektory pravoponimaniya: sbornik nauchnykh statey / pod red. K.E. Sigalova i S.V. Zykovoy*. M.: Border. pp. 339-348. [in Russian]
- Grozdova, 1981 – *Grozdova I.N.* (1981). Shotlandtsy, tendentsiya etnicheskogo razvitiya [Scots, a tendency of ethnic development]. *Sovremennyye etnonatsionalnyye protsessy v stranakh Zapadnoy Evropy*. M., 1981. [in Russian]
- Zvereva, 1987 – *Zvereva G.I.* (1987). Istoriya Shotlandii [Istoriya of Scotland]. M., 1987. [in Russian]
- Magakov, 1987 – *Magakov G.Yu.* (1987). Shotlandiya i anglo-shotlandskaya «uniya koron» nachala XVII v. [Scotland and Anglo-Scottish "union of crowns" of the beginning of the 17th century]. *Problemy sotsialnoy istorii i kultury srednikh vekov L.*, 1987. [in Russian]
- Petrosyan, 1984 – *Petrosyan A.A.* (1984). Edinburgskiy dogovor 1560 g. [The Edinburgh contract of 1560]. *Angliya v epokhu absolyutizma*. M., 1984. pp. 31-32. [in Russian]
- Turin, Savinova, 2015 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2015). Natsionalnyy stil razvitiya politicheskogo protsessa v sovremennoy Shotlandii: k voprosu o shotlandskoy identichnosti [National style of development of political process in modern Scotland: to a question of the Scottish identity]. *Vlast*. 2015. No. 4. pp. 195-201.
- Turin, Savinova, 2014 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2014). Natsionalnyy suverenitet Shotlandii v kontekste gosudarstvennoy politiki upravleniya prirodnyimi resursami [National sovereignty of Scotland in the context of public policy of management of natural resources]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2014. No. 2. pp. 197-205.
- Fedosov, 1992 – *Fedosov D.G.* (1992). Parlament Shotlandii v borbe za nezavisimost strany (XIII–XIV veka) [Parlament of Scotland in fight for independence of the country (the XIII–XIV century)]. *Vlast i politicheskaya kultura v srednevekovoy Evrope*. Ch. 1. M., 1992. pp. 198-205. [in Russian]

- Shaparenko, 2010 – Shaparenko V.V. (2010). Sovremennyye teorii tsivilizatsionnogo razvitiya i ikh vozmozhnosti v izuchenii regionalnoy istorii [Modern theories of civilization development and their opportunity in studying of regional history]. *Bylye Gody*. 2010. No. 3 (17). pp. 79-86. [in Russian]
- Shtokmar, 1976 – Shtokmar V.V. Anglo-shotlandskiye otnosheniya nakanune soyedineniya dvukh korolevstv [The Anglo-Scottish relations on the eve of connection of two kingdoms]. *Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii*. L., 1976. Issue 3. pp. 196-199. [in Russian]
- Anderson, 1985 – Anderson R.D. (1985). In search for the “lad of parts”: the mythical history of Scottish education. *The History Workshop Journal*, 19. p. 82-104.
- Ash, 1980 – Ash M. (1980). The Strange Death of Scottish History. Edinb.
- Beveridge, Turnbull, 1989 – Beveridge C., Turnbull R. (1989). The Eclipse of Scottish Culture: inferiorism and the intellectuals, Edinb. p. 14-16.
- Cook, 1999 – Cook R. (1999). The Home-Ly Kailyard Nation: Nineteenth-Century Narratives of the Highland and the Myth of Merrie Auld Scotland, *ELH*, 66. p. 1053-1073.
- Devine, 1987 – Devine T.M. (1989). The Highland Clearances, *Refresh* 4, spring, 1987. p. 1-8.
- Devine, 2006 – Devine T.M. (2006). The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York.
- Finlay, 1994 – Finlay R. (1994). Controlling the past: Scottish Historiography and Scottish identity in the 19th and the 20th centuries, *Scottish Affairs*, 9, p. 124-140.
- Fry, 1992 – Fry M. (1992). The Whig interpretation of Scottish History’, in *The Manufacture of Scottish History*, Ian Donnachie and Christopher Whatley (eds.), Edinb.
- Harvie, 1988 – Harvie C. (1988). Industry, religion and the state of Scotland’, in D. Giffords (ed.). *The History of Scottish Literature*, Volume 3, the Nineteenth Century, Aberdeen, p. 27.
- Hearn, 2000 – Hearn J. (2000). Claiming Scotland, Edinb.
- Kidd, 1993 – Kidd C. (1993). Subverting Scotland’s Past., Camb.
- Leneman, 1987 – Leneman L. (1987). The effect of Ossian in Lowland Scotland. In *Aberdeen and the Enlightenment*, J.J. Carter and J.H. Pittock eds., Edinb.
- Linklater, Denninnton, 1992 – Linklater M., Denninnton R. (1992). Anatomy of Scotland: How Scotland Works, Edinb.
- Lockhart, 1906 – Lockhart J.G. (1906). The Life of Sir Walter Scott, Edinb.
- McCrone, 2001 – McCrone D. (2001). Understand Scotland the sociology of a stateless nation – second edition, London and New York.
- McPherson, 1992 – McPherson A. (1992). An angle on the geis: persistence and change in Scottish educational tradition’, in W.M. Humes, and H.M. Paterson (eds.). *Scottish culture and Scottish education*, Edinb., p. 216-243.
- Morton, 1930 – Morton H. (1930). The Soul of Scotland, Methuen, London.
- Nairn, 2001 – Nairn T. (2001). Farewell Britannia: Break-Up or New Union? *New Left Review*, 7, pp. 55-74.
- Paterson, 1994 – Paterson L. (1994). The Autonomy of Modern Scotland. Edinb.
- Pittock, 2001 – Pittock M. (2001). Scottish Nationality. Hampshire.
- Porter, 2001 – Porter J. (2001). Bring me the head of James Macpherson. The execution of Ossian and the wellspring of folkloristic discourse. *The Journal of American Folklore*, 454, p. 396-435.
- Prebble, 1988 – Prebble J. (1988). The King’s Jaunt: George IV in Scotland, August 1822, London.
- Smout, 1994 – Smout T.C. (1994). Perspective on the Scottish Identity // *Scottish Affairs*, 6.
- Trevor-Roper, 2009 – Trevor-Roper H. (2009). The invention of Scotland myth and history, New haven and London.
- Trumpener, 1993 – Trumpener K. (1993). National Character, Nationalist Plots: National Tale and Historical Novel in the Age of Waverly, 1806–1830, *EHL*, 60, p. 685-731.
- Withers, 1995 – Withers C. (1995). How Scotland came to know itself: geography, national identity and the making of a nation, 1680–1790. *Journal of Historical Geography*, 4, p. 371-397.
- Womack, 1989 – Womack P. (1989). Constructing the Myth of the Highlands, London.

УДК 323.17

Культурно-исторические детерминанты формирования идентичности шотландцев: к вопросу о национальном самоопределении Шотландии

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Евгений Анатольевич Тюрин ^a, Елена Николаевна Савинова ^a^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), turin.of.foveran@yandex.ru (Е.А. Тюрин), savinovae.n@yandex.ru (Е.Н. Савинова)

Аннотация. В статье рассматриваются основные культурно-исторические детерминанты формирования идентичности шотландцев в рамках научного осмысления вопроса о национальном самоопределении Шотландии. Авторы анализируют исторический парадокс, заключающийся в том, что, в XIX веке, в эпоху формирования государств-наций, когда в Европе наблюдалась активизация борьбы за национальное самоопределение в самых разных странах, Шотландия пренебрегла собственным национальным проектом, не только не сформировав национального государства, но, наоборот, укрепляла свои социально-политические и культурные позиции в рамках Британской империи. В статье доказывается мысль, что англо-шотландская уния 1707 г. имела общеевропейскую значимость, поскольку она заложила основы совершенного стандарта европейского этно-религиозного национализма, который не только сформировал новый для Европы тип государственно-национальной идентичности, реализованный позже в большинстве европейских стран, где шел модернизационный процесс, но и предложил мирный вариант решения национальной проблемы. В контексте заявленной темы, авторы детально рассматривают такие сугубо шотландские культурно-исторические явления, как тартанизм, Кэльярд и миф равенства. Они берут свое начало в XVIII–XIX веках и могут считаться основными культурно-историческими детерминантами формирования шотландской идентичности с момента, когда Шотландия стала частью Союза. Рассмотренные культурно-исторические детерминанты формирования шотландской идентичности позволили авторам сделать вывод о том, что тартанизм, Кэльярд и миф равенства позволили шотландцам осознать свою национальную специфику, которая при этом не оказалась в конфликте с британской идентичностью. На основе этого взгляда можно утверждать, что идентичность не является объективным политическим средством в борьбе за национальное самоопределение Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, национальное самоопределение, идентичность, культурно-исторические детерминанты, тартанизм, Кэльярд, эгалитаризм, регионализация, Великобритания.